

УДК 370.179 + 372

В. А. Зверев, К. Е. Зверева

**НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА НА АЛТАЕ В НАЧАЛЕ XX в.
(По воспоминаниям Ф. Д. Останина)**

Перефразируя слова поэта, можно сказать: «Все прогрессивные реформы и любая модернизация системы образования реакционны, если в ходе их проведения рушится, страдает школа». Имеется в виду школа как один из главных институтов социализации детей и молодежи в современном мире, как второй родной дом для учащихся. Общество и государство должны быть заинтересованы в том, чтобы сохранить каждую, даже самую маленькую и «неперспективную» школу – этот иногда чуть ли ни единственный огонек культуры в деревне. История многих российских образовательных учреждений уникальна, она нуждается в специальном изучении, как и история всей системы образования в России. Одним из важных источников такого изучения являются весьма информативные и в то же время эмоционально окрашенные воспоминания бывших учеников о своем школьном детстве, как тех, кто потом стал знаменитым, так и людей «обычных», «простых».

Сибири в этом смысле повезло: мы знаем немало замечательных мемуаров своих земляков о детстве, прошедшем под влиянием училища и учителей. Достаточно напомнить об опубликованных книгах тюменского и потом московского купца Н. М. Чукмалдина [7], алтайского крестьянина С. П. Титова [6], замечательного русского писателя В. П. Астафьева [1]. Сегодня мы предлагаем читателю познакомиться с воспоминаниями Ф. Д. Останина

о школе, давшей ему путевку в жизнь.

Федор Дмитриевич Останин родился в 1899 г. в переселенческой деревне Сидорка Барнаульского уезда Томской губернии (сейчас это территория Алтайского края). Приобщился к грамоте сначала в маленькой церковно-приходской школе в своем селе, а затем был отправлен родителями за десятки верст – в волостное село Романово, где имелось двухклассное училище Министерства народного просвещения. В Романово жили переселенцы – в основном выходцы из Украины. На квартире одного из крестьян-украинцев и снимали угол для своего «челяденка» Останины. После хорошей подготовки в начальной школе автор мемуаров получил общее среднее и педагогическое образование в Новониколаевской учительской семинарии. В годы гражданской войны участвовал в партизанском движении. В 1919–1926 гг. работал учителем в сельской школе, инспектором-методистом Каменского районного отдела народного образования. Позже окончил Промышленный институт в Иркутске, трудился инженером-строителем до выхода на пенсию.

Подробные воспоминания были написаны Ф. Д. Останиным, когда он был пенсионером и жил в г. Алма-Ате, и в 1972–1973 гг. по просьбе сотрудников сектора культурного строительства Института истории, филологии и философии СО АН СССР присланы в Новосибирск по почте. В них речь идет о детстве автора в деревне, его учебе в школе, работе помощником волостного писаря, затем учебе в семинарии, участии в строительстве советской школы в Западной Сибири. Некоторые страницы этих воспоминаний, хранящихся в настоящее время в секторе истории культуры Института истории СО РАН, были опубликованы [2–5].

Представленный здесь раздел печатается впервые (за исключением небольшого фрагмента), со значительными сокращениями. Он посвящен времени обучения автора (1911–1914 гг.) в Романовской двухклассной школе. Этот раздел открывает мемуары, имеет авторскую нумерацию и название: «1. Деревня». При публикации нами исправлены явные опечатки и ошибки, осуществлена новая разбивка текста на абзацы – для удобства чтения. Угловыми скобками отмечены купюры. В прямоугольных скобках сделаны вставки уточняющего характера.

В школе первый день был непредвиденно нов, интересен, богат впечатлениями. Мне дали учебники: помимо священной истории я получил «Краткий курс физической географии» Раевского, «Геометрию» Страхова, «Естественную историю» Утушкина, «Курс арифметики» Киселева, «Сборник задач» Арженикова, краткий курс «Отечественной истории» Рождественского, «Курс грамматики» Некрасова, ч. II. Такое обилие учебников поражало, радовало: ведь все ново, невидано, неслыхано! Я получил несколько тетрадей, карандаш, ручку с пером.

«Ну, – думаю, – вот это школа! Недаром называется 2-классной». И поразительнее всего – парты маленькие, всего на два человека. Удобно! Проходы между ними. На стене прямо перед нами большой портрет царя, а ниже под ним – большая географическая карта. На стене тоже картины, но не из священной истории, а из отечественной. Позже, когда мы изучали отечественную историю, буквально каждое событие мы видели тут же на картине: вот «Призвание варягов», нач[ало] Русского государства – 862 год; вот взятие Олегом Киева – 912 г.; а вот «Крещение Руси» – группа священников на берегу, а в реке Днепр масса; людей, голые, по грудь в воде, принимают веру Христову – 988 г.; вот нашествие татар – 1224 г. И так до «Освобождения крестьян от крепостной зависимости» – 1861 г. Это

в нашей классной комнате, где располагались 4-е и 5-е отделения. И то ли потому, что эти картины висели перед моими глазами два учебных сезона, по прошествии более 60 лет я и сейчас любое событие со всей полагающейся хронологией, со всеми подробностями мог рассказать на любом экзамене.

Кроме картин, на стенах были развешены тоже поразившие меня «странные» таблицы. На картонках таких же размеров, как и картины по истории, – крупная четкая надпись: «Сосна и что из нее делается», а к ней прикреплены веточка сосны, квадратик сосновой коры, шишка сосновая, крошечные подобию доски, бревна, наиболее известные поделки из дерева сосны, вплоть до канифоли, скипидара и смолы в маленьких стеклянных пробирочках. То же – из березы, дуба, липы, кедра. А вот представлен хлопок – от веточки и орешка до ткани; а тут – знакомые нам с раннего детства всякие зерновые – от пшеницы до гречки; камешки различных горных пород и пески разной крупности и цвета. Оказывается, это – наглядные пособия для изучения «Естественной истории» Утушкина. В особом шкафу, в стеклянных банках с жидкостью – настоящая гадюка, уж, ящерицы, лягушки. Приборы по физике тоже были очень интересны и занимали большой шкаф. Одним словом, я оказался в мире новых представлений, который мне никогда и не снился.

И занятия проводились не в обычном для меня виде: грамматику, историю и чистописание преподавала учительница Елена Севастьяновна, она же вела второе отделение; арифметику, геометрию и естественную историю – Михаил Павлович, зав[едующий] школой; закон Божий приходил преподавать поп. Первое отделение вела специальная учительница. Коридор школы был большой и широкий, там происходили наши игры.

Я был очень доволен школой, учился усердно, с удовольствием. И на квартире у деда Хруля Федора, хотя и было тоже все необычно для меня, но приятно. У него большая семья: два взрослых сына, сноха, внук, старушка – баба Мотря – и мы двое с товарищем. И, казалось, всем достаточно места в комнатке и кухне. Правда, мы с товарищем спали на полу, на соломе. Баба Мотря иногда прикрывала нас сверх наших одеялишек своей толстой дерюгой – было тепло.

Скоро я стал понимать украинский язык, и весь быт украинской крестьянской семьи очень мне нравился. Старик [Федор] был очень религиозен. Вечерами, подтапливая печку соломой, он сидел перед ней на маленьком трехногом стульчике собственного изготовления и гнусавым тенорком пел «святые ирмосы и тропари». Скоро и нас он привлек к этим «песнопениям», и тогда мы трое, особенно в воскресные дни, пели: «Отверзи уста моя и наполнятся духом...» Каждое утро он вставал очень рано, зажигал лампаду у икон, в холщовой рубахе и портах становился на колени и с широко распростертыми руками молился вслух, полупшепотом, читая наизусть бесконечный набор молитв. И когда мы учили уроки по священной истории, он с удовольствием слушал, лежа на нарах.

[Но] как только мы начинали [учить] географию, где говорилось о том, что Земля имеет форму шара, что она вращается вокруг «своей оси» и вокруг Солнца, он возмущался. Садился на нарах и с негодованием говорил: «Хм, напышут же так у чортового батька! Зэмля – кругла, крутытєся на своей оси, кругом сонця! Да хїба можна дитїй учить цїму богохульству? Та хто ж ии зробив, ту ось? Та як бы вона крутылась, так мы вси як горох посыпалысь бы з нїи. У Священому Пысании сказано: «На водах основал еси землю, яже не подвижеться». Бачь! А тут, суккыного сына, крутытєся!? Така брїхня, просты Господы, а в книгах пышуть». Мы настораживались. Дед, конечно, большой знаток Священного Писания, в наших глазах – авторитет, и если там так прямо и написано: «яже не подвижеться», то как же все-таки так утверждает география? Ведь авторитет Священного Писания в нашем сознании поддерживался весьма высоко. [Происходило] раздвоение [наших представлений] с перевесом в сторону «писания». <...>

[Из-за крайне тяжелых материальных обстоятельств родительской семьи второе полугодие учебного года автором мемуаров было пропущено].

Весна 1912 года была довольно благоприятной. Мы произвели посевы, достаточные для нашей семьи, хорошо провели сенокос и уборку урожая. Появился свой хлеб, и в достаточном количестве. Семья ожила. И снова в начале октября отец повез меня в с. Романово в школу. С какой же огромной радостью я ехал туда! <...>

Утром мы были в школе. И зав[едающий] школой, и все учителя – новые. Выслушав отца, новый зав Иван Степанович очень посочувствовал нам, пожалели все потерянный год, и я снова был восстановлен в четвертом отделении. Дня через три вечером на мою квартиру пришел мужичок, а с ним – паренек моего возраста. Я в нем узнал ученика нашей церковно-приходской школы Ваню Похиленко. Его отец привез тоже учиться в 2-классную школу. Был принят на квартиру и Похиленко. Мы уже знали друг друга по Сидорской школе, и это «родство» было особенно приятно. Ваня рассказал мне, что вместе с ним приехали из нашей же школы еще три девочки и мальчик. Я их хорошо знал – это были дети очень зажиточных родителей. <...>

Занятия мне в этом году показались интереснее, живее [чем в прошлом]. Те же предметы, те же учебники, но преподаватели были другие. Ясно представляю и сейчас маленькое прелестное существо – учительницу географии и естественной истории Евгению Францевну Наревскую (она приехала из Барнаула); несколько серьезную и строговатую Харитину Яковлевну – жену зава, преподавателя истории. А сам Иван Степанович внешне не производил особого впечатления, но скоро стал всеобщим любимцем. Он преподавал русский язык, арифметику и геометрию. Уроки русского языка стали для нас наслаждением.

И тут уместно сказать о том своеобразном стиле занятий, который определял весь строй школьной жизни. [Поражало] обилие картин, о которых я уже говорил, наглядных пособий не только по истории, естествознанию, географии, элементарной физике, но и по русскому языку. Например, «Таблица коренных слов», т. е. слов, которые полагалось писать только с буквой «ять». Их много, надо помнить наизусть – ошибки на правописание буквы «ять» считались грубейшими ошибками. Вот таблица падежных окончаний существительных, а вот – прилагательных, дальше – числительных; все формы местоимений, от личных до неопределенных. Наиболее трудные правила правописания глаголов.

Уроки русского языка Иван Степанович проводил примерно так: приходит в класс, в руках у него книжка – Н. В. Гоголь, Избранные сочинения. Садится и начинает читать приезд сыновей Тараса из бурсы домой. А читает, как артист: с мимикой, выражением, интонацией, жестами. Звонок – час пролетел незаметно. «Ну, ладно, продолжим в следующий раз», – обещает он. А в следующий раз приходит, – та же книга в руках. Спрашивает: «Ну как, продолжим?» – «Продолжим», – хором отвечаем мы. «Ну, а запомнили вы хоть что-нибудь из того, что мы прочитали?» – «Запомнили», – уверяем мы. «А ну-ка, давайте попробуем – кто как запомнил! Ну вот, например, Васичев!» Васичев, конечно, запомнил наиболее яркие моменты встречи, но получается кратко, сухо, нет подробностей. То же – второй, третий [ученики]. Иван Степанович сокрушенно делает вывод: «Слабо запомнили. А ведь дальше – еще интереснее: Тарас поедет с сыновьями в Запорожскую Сечь, там его будут встречать, потом будут выбирать кошевого, потом война с Польшей, потом Тараса поляки сожгут». Интерес наш взвинчен до предела. А Иван Степанович говорит, что если мы будем читать и дальше так запоминать, так время тратить не стоит. И предлагает: чтобы лучше запомнить ... записать прочитанное в тетрадях под диктовку, если не всё, то хотя бы отдельные эпизоды, которые труднее запоминаются.

Выходит к доске тот же Васичев, пишет первую фразу под диктовку учителя. У него, конечно, есть ошибки разных «сортов». [Они] коллективно выправляются с обоснованием

правильного и неправильного, с выделением существительных, прилагательных и других частей речи... Получается кропотливое, довольно прозаическое занятие, а час проходит быстро. В дальнейшем мы, конечно, чтение продолжаем слушать, но закрепление в памяти нового происходит по-иному.

Я хочу этим отметить, что трудная грамматика русского языка того времени Иваном Степановичем проходила вся на материале литературных произведений. Так мы узнали и Тургенева с его «Записками охотника», Пушкина с его стихами, Григоровича с его «Антоном Горемыкой», а Некрасов был нашим кумиром. При школе была ученическая библиотека. Спрос на знакомых нам авторов был огромный.

Кажется, пустяковый случай породил новую и очень приятную форму занятий языком и литературой. Как-то на уроке русского языка встретилось слово «тротуар». Для нас, деревенских ребят, слово это было, конечно, незнакомо. Учитель объяснил. И тут же предложил: если кому в книге встретится незнакомое слово, запишите его на листочек бумаги, и как только у нас накопятся такие слова, мы в один из субботних вечеров соберемся и все их разберем. Слова накопились быстро и много. Субботний вечер состоялся, и каким же интересным он для нас оказался! Само по себе разъяснение значения «непонятных» слов [было полезным], но и оказалось неизбежным касаться того, откуда оно [слово] взялось, из какой книги или произведения, по какому поводу употреблено. И стали такие субботы повторяться еженедельно. На одной из суббот сама собой возникла идея – издавать рукописный журнал «Первый шаг». До конца учебного года вышло два номера. Читались они тоже на субботах.

Словом, зима прошла удачно, интересно, с хорошим накоплением знаний. В нашем четвертом отделении было около 20 человек. Все были переведены в пятое. <...>

[В следующем учебном году] в школе снова перемены: новый зав[едующий]. Ивана Степановича нет. Мне было грустно – любил я этого человека. Жена его Харитина Яковлевна сообщила, что он поступил в Томский учительский институт – учиться. Вместо него назначен Василий Демьянович Фоменко, только что окончивший Новониколаевскую учительскую семинарию. Сын крестьянина соседнего села Гилева Лога, довольно зажиточного украинца. Плотный, крепкий, по-украински добродушен, брюнет со следами оспы на лице, подлинный сын деревни. Характер занятий в школе почти не изменился. Новый зав[едующий], только что начинающий свою учительскую деятельность, очевидно, решил внимательно присмотреться, изучить тот опыт работы, который сложился до него.

В нашем 5-м отделении было человек 15. Все намеревались учиться дальше. А где? Прежняя 2-классная школа давала все же солидный объем знаний. Оканчивая 5-е отделение, ученик знал грамматику в объеме 1-й и 2-й части Некрасова, этимологию и синтаксис. Считалось недопустимым делать грамматические ошибки, несмотря на исключительную трудность прежней грамматики русского языка. Заканчивая синтаксис, мы должны были свободно пользоваться знаками препинания, вплоть до «точки с запятой» и «многоточия». Арифметику заканчивали задачами на «правило смешений» и сложными процентами. Геометрию [изучали вплоть] до стереометрии. [Изучая] географию, [знали] не только физический обзор зем[ного] шара с совершенно свободной ориентировкой по карте и на глобусе, но и политическую географию с элементами экономической. [По] естествознанию [изучались] ботаника и зоология, краткие сведения по физиологии человека в объеме учебника Утушкина. Отечественную историю [мы знали] в объеме учебника Рождественского. Не говорю уже о многих разновидностях отдельных «предметов» по закону Божию.

Значит, по подготовке и наличию знаний мы могли поступать в любое среднее учебное заведение этого времени. А по [нашему] экономическому и правовому положению мы могли делать очень ограниченный выбор. Самыми доступными для нас были ... учительская семинария (чуть ли ни единственная в Сибири) в Новониколаевске и фельдшерская школа, кажется, в Томске. На одном из субботних вечеров как-то и возник такой разговор. Наш

зав[едующий] В. Д. Фоменко много и подробно рассказал об учительской семинарии. В семинарии не только обучали бесплатно, но еще и платили ученикам стипендию 15 руб. в месяц. Конечно же, почти все мы решили поступать после окончания школы в семинарию. А туда надо выдержать конкурсный экзамен по всем проходимым в школе предметам. <...>

И вот в один из дней в школе нашел меня мальчик из третьей группы, местный житель, и рассказал мне потрясающие вести. «У нас, – говорит, – вчера ночевали дорожники из вашей деревни и говорят: наш тут деревенский мальчишка учится (Останенко его фамилия), так скажите ему, что его «бабка» арестовали и увезли куда-сь, – он старшину побил». Ужас! Страшно жаль отца! Слово «арестовали» тогда было равносильно смерти. И как же теперь мне быть? Приедут за мной и увезут домой? А потом что? Без отца! Всему, значит, конец! Сколько было слез и бессонных ночей! А никому ни слова не говорил о своей беде.

Очевидно, и сам я резко изменился. В какой-то день после занятий ко мне подошла учительница Харитина Яковлевна: «Пойдем со мной в учительскую, я хочу с тобой поговорить». Пришли. Она положила руку мне на голову и, глядя пристально в глаза, ласково спросила: «У тебя что-то не ладно, ты не заболел ли? Переживаешь ты что-то? Расскажи!» Я не выдержал и расплакался. Она пригласила мои «вихры», дала возможность немного «выплакаться». Немного успокоившись, я рассказал ей о своем горе. Ее суровое лицо стало, кажется, еще суровее и строже. «Не плачь, голубчик, надо привыкать ко всему. В жизни очень много горя и печали, но и много радости. Я вот тебе тоже поведаю о своем горе. От Ивана Степановича три месяца не было письма, а недавно наш товарищ сообщил, что его тоже арестовали. Видишь, у нас с тобой одинаковое горе. Не плачь! Учись, как учился». – «Да, – говорю, – а с квартирой-то как, я же задолжал». – «Ничего, ладно, я за тебя рассчитаюсь. Ты же был любимцем Ивана Степановича, мы ведь часто с ним о тебе говорили».

Какая же это была моральная поддержка! Она прибавила мне сил противостоять моей беде. Очень часто [я позже] вспоминал этих людей, Ив[ана] Ст[епановича] Сергеева и его жену, которых я с тех пор не только не видел, но и ничего о них не слышал; думал, где же и как закончили свою жизнь эти светлой души люди?!

Наступал апрель, а с ним и распутица. Мои валенки промокали. Видел и чувствовал, что Харитина Яковлевна пристально следит за мной. Но все опять изменилось неожиданно и счастливо. Пришли мы с Иваном из школы, и вижу я – во дворе привязан к столбу наш Рыжка; сани с коробком на дворе, тоже наши. Влетаю в избу – отец сидит на лавке и весело разговаривает с хозяином. Я – в слезы. «Ну, что, заждался? Знаю, знаю, пережил ты много за это время. Ну, ладно, все хорошо». А когда он вынул из домашнего холщового мешка новенькие сапожки, да еще с галошами, я обомлел! А потом – серенький новый костюм и новенькую парусиновую фуражку с черным суконным околышем и с блестящим лаковым козырьком. Изумление! <...>

После Пасхи занятия в школе еще больше носили характер подготовки к экзаменам. А экзамены надо было держать по всем проходимым предметам. В конце мая состоялись экзамены, они длились немного больше недели. Письменные: по русскому языку – диктант и изложение на заданную тему; по арифметике – решение задачи с объяснением. Это не избавляло нас от устных экзаменов по этим же предметам. Экзамены прошли хорошо, спокойно. Все успешно закончили курс, нас поздравили, напутствовали, и это означало, что мы расстаемся со школой, школьными товарищами и преподавателями навсегда. Для многих так и было.

Многие решили поступать в Новониколаевскую учительскую семинарию. Куда же больше? Единственный выбор – и по необходимости, и по «призванию». Вас[илий] Дем[ьянович] Фоменко познакомил нас с положением для поступающих в семинарию. Принимались лица с образованием не ниже 2-классного училища, не моложе 14 лет, мужского пола. С экзаменами по всем предметам, проходимым в школе. Особенно тревожным для меня оказалось предупреждение: «Неспособные к музыке и пению в семинарию не принимаются». А у меня с пением, как назло, всю жизнь нелады. Написали

образец прошения на имя директора, перечень необходимых документов. Свидетельства об окончании [школы] нам обещали к 20 июля. Приемные испытания [в семинарии] начинались с 15-го августа. А пока – на пашню. <...>

Завершился один из важнейших этапов жизни деревенского подростка: закончена 2-классная школа. Ох, как много это значило тогда для него! Многие из нас с этим образованием вступили в большую, сложную и трудную жизнь первого периода революции, последующей борьбы и строительства. Я часто вспоминал свою 2-классную школу в течение всей своей жизни. Ее учителей – скромных, трудолюбивейших, честнейших людей. И всегда испытывал и испытываю огромную сыновнюю любовь и благодарность к ним.

Вскоре мне пришлось самому стать учителем в период полной ломки всего старого, в том числе и школы. Более того, в ранней юности мне пришлось работать инспектором, методистом, организатором новой школы. Я не только видел, но и активно участвовал в разрушении старой школы и строительстве новой, от детского сада до вуза. Признаюсь совершенно искренне, откровенно, исходя все из ... избранной мной позиции беспощадного отношения к фактам: я часто испытываю назойливые и чувствительные угрызения совести. С каким же усердием, достойным лучшего применения, мы громили старую школу! Именно громили, руководствуясь чрезвычайно простым и чрезвычайно упрощенно понятым принципом: все старое – громи! Мы в порыве «революционного» усердия забыли, что эта самая старая школа создала ту самую культуру, не усвоив которую, нельзя стать коммунистом, как говорил Ленин; что эта самая школа дала народу высокообразованных специалистов, ученых, убежденных борцов за народное дело. Главная же ее заслуга, думаю, в том, что она умела дать прочные, фундаментальные знания по всем изучаемым предметам. <...>

А сейчас с той же беспощадностью надо отметить ту святую, непоколебимую, детскую уверенность, которая мало чем отличается от такой же наивности, в том, что мы, разрушая старую школу «до основания» ... за один-два года после выхода в свет программы ГУСа – подлинного, строго научного документа марксистско-ленинской педагогики – построим Единую, Трудовую, Политехническую школу! Точно так же, как хотели сразу же строить коммунизм путем организации первых сель[ско]хоз[яйственных] коммун, на основе прадедовской техники. В конце двадцатых годов по «инициативе» «обеспокоенных» за судьбу советской школы педагогов-«марксистов» с невозмутимым спокойствием была изгнана из педагогики «прожектерская» программа ГУСа. И советская педагогика снова была поставлена перед необходимостью «нового» поворота. А куда? Старое – охаяно, разрушено, новое – не создано. И начался длительный период «поисков», программотворчества – почти ежегодного, методического – как в отношении создания стабильного учебника и руководства, пособий, так и в отношении классного процесса работы. Огромное наследие научно-методического и педагогического опыта старой [досоветской] школы оказалось забытым....

Останин Ф. Д. *История – вечно живая память народа // Институт истории СО РАН, сектор истории культуры, коллекция воспоминаний, п. 118, л. 22—25, 28—39 (отд. паг.). Машинописный подлинник. На л. 41 подпись машинописью – «Останин Ф. Д. (инженер-строитель)», домашний адрес в г. Алма-Ате, дата – «24-IV-72 г.».*

Библиографический список

1. **Астафьев, В. П.** Последний поклон: повесть: в 2 т. – Изд. доп. и испр. - Красноярск: Благовест, 1994.
2. **Боже, вразуми нас в учение!:** из воспоминаний Ф. Д. Останина / публ., ред. и предисл. В. А. Зверева // Сиб. учитель: науч.-метод. журн. – 2004. – № 1.

– С. 19–23.

3. **Останин, Ф. Д.** В начальной школе и учительской семинарии / Ф. Д. Останин // Красен человек ученьем: материалы о воспитании и образовании детей в селениях Сибири (конец XIX-начало XX в.). – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1995. – С. 80–90.

4. **Останин, Ф. Д.** Учеба учителей / Ф. Д. Останин // Школа и учительство в Сибири, 20-е – начало 30-х гг.: материалы по истории культуры и интеллигенции советской Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 36–59.

5. **Пыстина, Л. И.** Новониколаевск, год 1916-й: воспоминания Ф. Д. Останина о Новониколаевской учительской семинарии / Л. И. Пыстина // Гуманитарные науки в Сибири, Сер. Культура, наука, образование. – 2002. – № 3. – С. 104–109.

6. **Титов, С. П.** Два детства / С. П. Титов. – М.: Сов. Россия, 1965. – 169 с.

7. **Чукмалдин, Н. М.** Записки о моей жизни / Н. М. Чукмалдин. – М.: Типо-литогр. А. В. Васильева и К°, 1902. – 197 с.